

УДК 343.13

DOI 10.17223/22253513/17/5

А.Р. Маламагамедова

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В статье дается понятие нравственно-конфессиональных элементов уголовно-процессуальной формы, раскрывается их гуманистическое содержание. Критически оценивается п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, предоставляющий свидетельский иммунитет священнослужителям, как норма, обращенная только к лицам, исповедующим христианство. Делается вывод о необходимости внесения изменений в УПК РФ с тем, чтобы служители различных религиозных конфессий имели равные права в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: элемент уголовно-процессуальной формы, нравственность, нравственно-конфессиональные элементы уголовно-процессуальной формы, гуманизм, гуманность.

Мораль и нравственность – это незыблемые, бессмертные категории, охватывающие каждую сферу человеческой жизни. Это и форма человеческого сознания, и регулятор поведения, и своего рода жизненный ориентир. Возникший, по сути, вследствие необходимости восстановления нарушенных прав, уголовный процесс не является исключением. Наличие совпадений между нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), морали и религии исключает возникновения каких-либо внутриличностных конфликтов у верующих людей при их участии в уголовном процессе.

Нравственно-конфессиональные элементы уголовно-процессуальной формы представляют собой отдельные нормы, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе, имеющие своим происхождением религиозные писания и общепризнанные моральные нормы, возникшие в процессе исторического развития, основанные на принятом в обществе представлении о добре и зле, справедливом и несправедливом и имеющие всеохватывающее значение.

В данной статье нам бы хотелось раскрыть гуманистическое содержание нравственно-конфессиональных элементов уголовно-процессуальной формы.

В процессе формирования правового государства в нашей жизни все чаще встречается понятие «гуманизм». Гуманизм (от лат. *humanitas* — человечность, *humanus* – человеческий, *homo* – человек) – мировоззрение, проникнутое любовью к человеку, уважением к его достоинству, заботой о благе людей и развитии у них высоких моральных качеств [1. С. 81].

С.М. Прокофьевой дано, по нашему мнению, достаточно полное определение категории «гуманизация», а именно: это прогрессивный, основанный на объективных и субъективных законах процесс развития цивилизации, заключающийся в количественном накоплении и качественном преобразовании

общечеловеческих ценностей, видов гуманистических отношений и сфер их действий [2. С. 47].

Религиозные источники, отрицаемые в советский период, религия и вера, провозглашенные далеко не прогрессивными явлениями, пройдя длинный исторический путь, сегодня, при правильном их толковании, оказывают позитивное, гуманистическое влияние. Поправка на «правильное толкование» дана не просто так, мы не можем не замечать, что в современной многоконфессиональной России религия нередко становится оружием в руках тех, кто стремится внести смуту и разрозненность в жизнь общества. К сожалению, это стало возможно из-за пробелов нравственного и религиозного воспитания личности.

Конечно, нельзя обойти стороной неприемлемые для современного общества формы наказания, закрепленные в религиозных источниках, например, предусмотренное исламом отрубание рук за воровство или забрасывание камнями. Библия также предусматривает за ряд преступлений применение смертной казни через «побиение камнями», «сожжение» и «повешение». Но эти примеры следует отнести к исключениям, которые отражают общественное развитие и мировоззрение в определенный период времени.

Мы считаем верным мнение Р. Максуда, который пишет, что многое из того, что называется «исламским», зачастую отношения к исламу не имеет, являясь элементами произвола некоторых государств, попирающих законы ислама, который в действительности милосерден, а не жесток, но интерпретируется неверно теми, кто преследует политические цели, направленные на создание некой экстремистской формы ислама... В истинной исламской общине почти не существует пьянства с сопутствующими ему преступлениями, воровства, супружеских измен и сексуальной распущенности, жестокого избивания детей и стариков, обмана и мошенничества; поэтому, если власть полна решимости следовать всем установлениям шариата, это реально побуждает людей воздерживаться от правонарушений, тем более, что Восток не переполнен однорукими людьми [3. С. 191–193].

Гуманизация тесно связана со становлением демократического государства, так, развитие демократии дает возможность всестороннего и гармоничного развития личности. К сожалению, наличие нравственных ценностей в нормах права не гарантирует гуманизацию общества и уголовно-процессуальных отношений. Необходимо изменить и сознание правоприменителей, которые, несмотря на состязательный характер уголовного судопроизводства, нередко обращают его в чисто обвинительную деятельность. Должна произойти гуманизация средств и методов (следственных и иных процессуальных действий), которые используют должностные лица при решении стоящих перед ними задач.

Примечательно, что в ходе беседы с сотрудниками следственных подразделений выяснилось, что ряд из них, признавая факт гуманизации уголовно-процессуального законодательства, считают данную тенденцию отрицательной. Объясняется это тем, что, во-первых, смягчение наказания, по их мнению, есть негативный фактор, не улучшающий общую криминогенную обстановку в стране; во-вторых, нормы, расширяющие права участников уголовного судопроизводства (должностных лиц), создают им дополнительные

«трудности» при осуществлении уголовного судопроизводства, так как возлагают на них соответствующие корреспондирующие обязанности.

Несмотря на это, оценка практики правоприменения все же выявляет тенденцию к гуманизации.

Анализ статистических данных, приведенных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о том, что в последние годы число рассмотренных судами ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу значительно сократилось. При этом увеличилось число рассмотренных ходатайств о применении меры пресечения в виде домашнего ареста и залога [4].

Представленные данные свидетельствуют о наличии вектора гуманизации в деятельности правоприменения в сфере уголовного судопроизводства.

О.А. Малышева отмечает, что взятый Россией курс на рациональную гуманизацию уголовной политики оценивается не однозначно и подвергается серьезной критике. При этом формируются оценки ошибочности такого курса, оппоненты нередко апеллируют статистическими данными, подходу односторонне к интерпретации их данных без учета объективно существующих факторов, процессов, происходящих в мировом сообществе [5. С. 115].

Тенденция к гуманизации (гуманистический тренд) в уголовном процессе проявляется не только в его нормах, но и в уголовно-процессуальных отношениях. Отношения, возникающие в ходе осуществления уголовного судопроизводства, неизбежно регулируются не только нормами права, но и нормами морали. Именно нормы морали, нравственности, на которые опирается должностное лицо в своей повседневной жизни, являются стержнем его поведения в ходе процессуальной деятельности.

Обзор последних изменений Уголовно-процессуального кодекса свидетельствует о существенном расширении прав потерпевшего. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [6], внося изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, требует от следователя (дознателя) принятия решения о признании лица потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, что, естественно, отвечает интересам потерпевшего.

В своем диссертационном исследовании, посвященном изучению обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, С.А. Синенко отмечает, что изменения, вносимые в ст. 42 УПК РФ указанным выше федеральным законом нельзя однозначно охарактеризовать как положительно повлиявшие на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего от преступления [7. С. 3].

По его мнению, момент наделения лица статусом потерпевшего все же остается спорным. Так, например, С.А. Синенко отмечает, что внесенные указанным федеральным законом изменения в части момента признания лица потерпевшим не решили всех существующих проблем в данной сфере. В ст. 42 УПК РФ законодатель внес требование незамедлительного признания лица потерпевшим. По нашему мнению, С.А. Синенко справедливо отмечает, что термин «незамедлительно» носит оценочный характер и предполагает возможность использования личного усмотрения лица [7. С. 60].

Да, действительно, законодатель не установил конкретный момент вынесения постановления о признании лица потерпевшим (например, с момента возбуждения уголовного дела), но все же принятые изменения в УПК РФ сделали еще один шаг на пути расширения прав потерпевшего и укрепления его процессуального статуса.

Важным «новым» правом потерпевшего можно признать его право на получение информации о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы. Никогда ранее потерпевшему не предоставлялась такого рода информация. Данное решение законодателя является примером обращения закона к потерпевшему, постановку во главу угла прав лица, ради защиты и восстановления прав которого уголовное судопроизводство и инициировалось. В то же время нельзя не согласиться с теми авторами, которые подчеркивают, что объем прав потерпевшего должен соответствовать его уголовно-процессуальной функции, свобода поведения потерпевшего не должна ограничивать право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, перерастать в средство сведения счетов с другими участниками уголовного процесса [8. С. 88–90; 9. С. 38].

Гуманность уголовного судопроизводства обеспечивается не только наделением участников соответствующими правами, но и гуманными средствами в работе должностных лиц. Так, следственные действия должны производиться с использованием средств и методов, не противоречащих нормам морали и нравственности.

Несмотря на гуманистический тренд Уголовно-процессуального кодекса, нельзя не отметить, что если при разработке Уголовно-процессуального кодекса законодатель и пытался учесть религиозные чувства личности, то ориентировано это было лишь на христиан.

Однако большинство опрошенных нами правоприменителей полагают иначе, а именно 85% опрошенных сотрудников следственных подразделений и 80% сотрудников прокуратуры не считают, что УПК РФ ориентирован только на лиц, исповедующих христианство. 9% опрошенных сотрудников следствия и 2% от числа опрошенных сотрудников прокуратуры полагают, что это именно так; и 6 и 18% соответственно затруднились дать ответ. Мы полагаем, что такие результаты опроса обоснованы лишь тем, что большинство сотрудников следствия не задумывались над нормами УПК РФ в контексте их соответствия или несоответствия религиозным писаниям.

В обоснование своего мнения приведем следующие доказательства. Так, п. 4 ч. 3 ст. 56 УКП РФ гласит, что не подлежат допросу в качестве свидетелей священнослужители – об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди.

Во-первых, субъект, который законодателем наделяется иммунитетом, – это священнослужитель. Большинство толковых словарей определяет данную категорию через христианскую религию.

Священнослужитель – служитель церкви, отправляющий богослужения и требы [10].

Священнослужитель – в православной и католической церкви: лицо, введенное в духовный сан [11].

Во-вторых, понятие «исповедь» представляет собой *христианский* обряд признания человека в своих совершенных грехах перед Богом, своего рода раскаяние, которое осуществляется перед лицом священнослужителя. Таким образом, законодатель закрепляет определенный свидетельский иммунитет священнослужителей-христиан.

К сожалению, на данный момент этой области не было уделено достаточно внимания, свидетельский иммунитет в отношении священнослужителей рассматривался на уровне простого комментария нормы, без постижения ее сути.

И.В. Смолькова пишет, что с правовой позиции тайна исповеди есть гарантия неприкосновенности личной жизни верующих [12. С. 122]. Это так, но непременно следует отметить, что только верующих христиан.

С точки зрения христианства признание своего греха и раскаяние в нем перед лицом представителя церкви влечет последующее «освобождение» человека от этого греха.

Ислам же смотрит на данный вопрос с точностью до наоборот. Рассказывать кому-либо о своих грехах для мусульманина считается неприемлемым. Один из хадисов гласит, что «посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) сказал: «Все члены моей общины будут помилованы, за исключением заявляющих во всеуслышание (о своих грехах). К таким людям относится человек, который согрешил ночью, но Всевышний Аллах покрыл его грех, а утром он сам говорит: «О такой-то! Я совершил вот такой грех». И получается так, что он проводит ночь под покровом своего Господа, а на утро сбрасывает покров Аллаха» [13. С. 771–772].

Но, несмотря на отсутствие института исповеди в исламе, каждый верующий человек склонен к желанию выговориться, поделиться своими переживаниями с духовным лидером, так и мусульманин в приватной беседе с имамом может открыть ему обстоятельства преступления и необязательно им совершенного. УПК РФ не оговаривает, что сведения, ставшие известными священнослужителю в ходе исповеди, должны быть получены именно от подозреваемого (обвиняемого), их может сообщить и свидетель, к примеру, родственник преступника. По сути, при таком положении дел имам не будет защищен Уголовно-процессуальным кодексом, так как такая беседа не считается исповедью.

Мы полагаем, что в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации должны быть внесены соответствующие изменения и дополнения с тем, чтобы служители различных религиозных конфессий имели равные права в уголовном судопроизводстве.

Интересно, что среди юристов встречается мнение о необходимости вообще исключить священнослужителей из списка лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом [14. С. 142]. Примечательно, что 56% опрошенных нами следователей выразили аналогичное мнение, указав, что не считают необходимым и обоснованным наличие в УПК РФ нормы, позволяющей священнослужителю не давать показания об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе исповеди. Среди сотрудников прокуратуры показатели

более утешительные – 73% опрошенных признают наличие данной нормы в УПК РФ обоснованным и необходимым.

В ходе общения с опрошенными и выяснения причин данного мнения установлено, что желание сократить круг лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом, продиктовано исключительно желанием получить максимальное количество доказательств по уголовному делу. По нашему мнению, «профессиональная деформация» ряда сотрудников сводит их деятельность к принципу «цель оправдывает средства», будь их воля, свидетельский иммунитет вовсе был бы исключен как институт уголовно-процессуального права. Мы считаем данный факт отрицательным показателем. Установление истины, безусловно, одна из важнейших целей уголовного судопроизводства, но пренебрежение принципами морали и нравственности приведет к разрушению существующего сегодня уголовно-процессуального закона, долгие годы строящегося по принципам правого государства и демократического гражданского общества.

Подводя итог, хочется сказать, что нравственно-конфессиональные элементы уголовно-процессуальной формы основаны на человеколюбии – гуманности. При этом происходящие в последнее время изменения уголовно-процессуального законодательства также направлены на еще большую гуманизацию его норм. Деятельность законодателя обусловлена приведением уголовно-процессуальных норм в соответствие с международными стандартами, гармонией с нормами морали и нравственности, что волей-неволей ведет к появлению все больших нравственно-конфессиональных элементов уголовно-процессуальной формы.

Литература

1. *Краткий политический словарь* / В.П. Абаренков, А.Г. Аверкин, Ю.А. Агешин; сост. и общ. ред.: Л.А. Оников, Н.В. Шишлин. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. 623 с.
2. Прокофьева С.М. Гуманизация уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 485 с.
3. Максуд Р. Ислам: пер. с англ. В.М. Новикова: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 304 с.
4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2014 г. (по состоянию на 29.01.2015). Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>, свободный.
5. Малышева О.А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 514 с.
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52. Ч. I. Ст. 6997.
7. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.
8. Трубникова Т.В. Потерпевший как субъект права на судебную защиту в уголовном процессе РФ // Российское правосудие. 2010. № 9 (53). С. 85–91.
9. Андреева О.И. Свобода поведения потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 283. С. 36–38.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
11. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/academic/Svjaschennosluzhitel-56768.html>, свободный.

12. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. 404 с.

13. Сахиx Аль-Бухари. Достоверные предания из жизни Пророка Муххамада, да благословит его Аллах и да приветствует: Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абу-аль – Аббас Ахмад Бин Абд-уль-Латыф аз-Зубайди: пер. с араб. Абдулла Нирша. – 5: Умма, 2007. 959 с.

14. Закирова Л., Татьяна Д. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестн. ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 140–142.

Malamagamedova A.R. DOI 10.17223/22253513/17/5

THE HUMANISTIC CONTENT OF THE MORAL AND RELIGIOUS ELEMENTS OF CRIMINAL PROCEDURE FORMS

Key words: element of criminal procedure forms, morality, moral-religious elements of criminal procedure forms, humanism, humanity.

Morals and morality is immutable, immortal categories, covering every sphere of human life. Arisen essentially because of the need to restore the violated rights, the criminal process is no exception. The existence of a match between the norms of the criminal procedure code of the Russian Federation (hereinafter the code), morality and religion excludes any interpersonal conflicts of believers with their participation in the criminal process.

Moral and religious elements of criminal procedure forms are separate rules embodied in the code of criminal procedure, having its origin in religious Scriptures and generally accepted moral norms that have arisen in the process of historical development, based on accepted in society the idea of good and evil, fair and unfair, and having an inclusive meaning.

This article reveals the humanistic content of the moral and religious elements of criminal procedure forms.

S.M. Prokofieva given in our view a fairly complete definition of the category of "humanization", namely: it is progressive, based on subjective and objective laws of the development of civilization, which consists in the quantitative accumulation and qualitative transformation of human values, types humanistic relations and their fields of action.

Religious sources, denied in the Soviet period, religion and faith, proclaimed not progressive phenomena, after a long historical path, today at their correct interpretation, have a positive, humanistic value. Amendment to "correct interpretation" is given not just so, we can't help but notice that in today's multi-religious Russia, religion often becomes a weapon in the hands of those who seek to introduce confusion and fragmentation in society. Unfortunately, it has become possible because of gaps moral and religious upbringing of the person.

The statistical analysis of the data provided by the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, shows a decrease in recent years in the number of petitions considered by the courts on application of measures of restraint in the form of detention. This increased the number of considered applications of a measure of restraint in the form of house arrest and bail.

Summarizing, we can say that moral and religious elements of criminal procedure forms based on humanity – humanity. Thus, the recent changes in criminal procedure legislation also directed not greater humanization of its norms. The activity of the legislator aimed at bringing the rules of criminal procedure in line with international standards, in harmony with the norms of morality and ethics that inevitably lead to even greater moral and religious elements of criminal procedure forms.

References

1. Abarenkov, V.P., Averkin, A.G. & Agheshin, Yu.A. (1983) *Kratkiy politicheskii slovar'* [A Concise Political Dictionary]. Moscow: Politizdat.

2. Prokofieva, S.M. (2002) *Gumanizatsiya ugolovnoho sudoproizvodstva* [Humanization of the Criminal Justice]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.

3. Maksud, R. (1998) *Islam* [Islam]. Translated from English by V.M. Novikov. Moscow: FAIR-PRESS.

4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii za 2014 g. (po sostoyaniyu na 29.01.2015)* [Basic statistical indicators of the Courts of General Jurisdiction for 2014 (as of January, 29, 2015)]. [Online]. Available

from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>.

5. Malysheva, O.A. (2006) *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossiyskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva* [Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings]. Law Doc. Diss. Ryazan'.

6. Russian Federation. (2013) Federal Law № 432-FZ of December 28, 2013, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in the criminal proceedings. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52. Art. 6997. (In Russian).

7. Sinenko, S.A. (2014) *Obespechenie prav i zakonnykh interesov poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimenitel'nye problem* [Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings: theoretical, legal and enforcement problems]. Law Doc. Diss. Moscow.

8. Trubnikova, T.V. (2010) Injured Person as Subject of Right of Judicial Defense in Criminal Proceedings. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 9(53). pp. 85-91. (In Russian).

9. Andreeva, O.I. (2004) Freedom of the injured person's behaviour as a participant of the criminal legal proceedings on the part of the prosecution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 283. pp. 36-38. (In Russian).

10. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az".

11. *Malyy akademicheskiy slovar'* [A Concise Academic Dictionary]. [Online]. Available from: <http://enc-dic.com/academic/Svjaschennosluzhitel-56768.html>.

12. Smol'kova, I.V. (1998) *Problemy okhranyaemoy zakonom tajny v ugolovnom protsesse* [Secrets protected by the law in the criminal process]. Law Doc. Diss. Irkutsk.

13. Sahih Al-Bukhari. (2007) *Dostovernye predaniya iz zhizni Proroka Mukhkhama, da blagoslovit ego Allah i da privetstvuet: Yasnoe izlozhenie khadisov "Dostovernogo sbornika"* [Authentic traditions of the Prophet Muhammad, May Allah Honour Him And Grant Him Peace: A clear statement of the hadith of "Reliable collection"]. Translated from Arabic by Abdulla Nirsha.

14. Zakirova, L. & Tat'yanin, D. (2011) Problems of the seal of confession in a criminal trial of Russia. *Vestnik OGU – Vestnik of Orenburg State University*. 3 (122). pp. 140-142. (In Russian).